Юрислингвистика

Legal Linguistics, 2026, 41, 11-16, doi: https://doi.org/10.14258/leglin(2026)4102

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА *УДК 341.9, ББК 67.93, ГРНТИ 10.01.07, Код ВАК 5.1.1*

Понятия и категории в международном частном праве

Ю. В. Блинова

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: jblinova@yandex.ru

Предметом настоящей статьи выступает исследование понятий и категорий международного частного права Российской Федерации. Для этого автор коротко останавливается на дифференциации понятий и категорий в философии, а затем переходит к анализу категорий: иностранный элемент, личный закон (физического и юридического лица), правосубъектность. В результате проведенного исследования автор приходит к следующим выводам. Понятия априори обладают более богатым содержанием, в то время как категории – более широким объемом, потому понятия могут являться начальной стадией формирования категорий. Так случилось с иностранным элементом, когда он из понятия международного частного права перерос в категорию, чему в немалой степени способствовало его легальное закрепление в современном национальном законодательстве. Категория личного закона (физического и юридического лица) появилась в российском законодательстве о международном частном праве в целях дифференциации отношений (для юридических лиц) и унификации (объединения) (для физических лиц). Что касается правосубъектности, то категория не чужда международному частному праву в силу ряда причин: родство с гражданским правом (специальные нормы); положительный опыт применения в других отраслевых науках; прозрачность, значительное собирательное, объединяющее и обобщающее начало в рамках как российского правопорядка, так и многих зарубежных; большой потенциал стратегического планирования дальнейшего развития законодательства, что чрезвычайно значимо для развивающейся отрасли российского права. Соответственно, имеет смысл серьезно задуматься о дальнейшем освоении категории правосубъектности на ниве международного частного права.

Ключевые слова: понятие, категория, международное частное право, иностранный элемент, правосубъектность.

Concepts and Categories in Private International Law

Yu. V. Blinova

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: jblinova@yandex.ru

The subject of this article is the study of the concepts and categories of private international law of the Russian Federation. To this end, the author briefly dwells on the differentiation of concepts and categories in philosophy, and then moves on to analysis of the categories: foreign element, personal law (of an individual and a legal entity), and legal capacity. As a result of the research, the author comes to the following conclusions. Concepts a priori have a richer content, while categories have a broader scope; therefore, concepts can be the initial stage of category formation. This was the case with the foreign element, when it grew from a concept of private international law into a contemporary category, which was largely facilitated by its legal consolidation in modern national legislation. The category of personal law (of an individual and a legal entity) appeared in the Russian legislation on private international law for the purposes of differentiating relations (for legal entities) and unifying (unifying) (for individuals). As for legal capacity, the category is not alien to private international law for a number of reasons: close affinity with civil law (special rules); positive track record of application in other disciplines; transparency, significant collective, unifying, and generalizing properties within both the Russian legal system and many foreign ones; and significant potential for strategic planning for the further development of legislation. Accordingly, it makes sense to seriously consider further development of the concept of legal personality in the realm of private international law.

Key words: concept, category, private international law, foreign element, legal personality.

По верному утверждению П. С. Баринова, «категориальный аппарат юридической науки и практики выступает квинтэссенцией накапливаемых знаний о праве, придает качественную определенность юридическому мышлению,

составляет опорные, узловые пункты в структуре фундаментального знания о праве и правовой действительности в целом, выражает наиболее общие закономерности их формирования, функционирования и развития» [Баринов 2019: 23]. Ввиду сказанного представляется своевременным исследовать базовые понятия и категории международного частного права (далее – МЧП), предпослав настоящему исследованию краткое обращение к дифференциации понятий и категорий в философии.

Под понятием скрывается «мысль, отражающая отличительные свойства предметов и отношения между ними» (Сарыбеков, Сыдыкназаров 2008: 288), «мысль, которая выделяет из определенной предметной области и обобщает в класс объекты посредством указания на их общие и отличительные признаки» (Кузнецов 2005: 430), в т. ч. «известная ступень в развитии интеллектуальной деятельности человека» (Радлов 1898: 542).

Правовые понятия подразделяются учеными на два вида: законодательные (легальные) и научно-теоретические (доктринальные) [Комиссарова 2019: 205]. Первые становятся таковыми по воле законодателя, могут иметь развернутое определение или вводиться в текст закона только термином. Например, МЧП известны следующие понятия: правовая система (ст. 1188 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), нормы непосредственного применения (п. 1 ст. 1192 ГК РФ), реторсии (ст. 1194 ГК РФ), исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора (ст. 1211 ГК РФ) и др.

Слово «категория» проникло в русский язык из греческого, где первоначально обозначало «высказывание, признак» (Кузнецов 2005: 247), а также «обвинение» (Сарыбеков, Сыдыкназаров 2008: 126). На сегодняшний день в научном дискурсе под категорией понимаются «наиболее общие понятия и принципы, описывающие структурную организацию природы, общества и рассудочной деятельности» (Кузнецов 2005: 247), в т. ч. «форма логического мышления, в которой раскрываются внутренние, существенные стороны и отношения исследуемых предметов» (Сарыбеков, Сыдыкназаров 2008: 126).

Не стоит упускать из поля зрения и то, что «категория – предельно общее фундаментальное понятие, отражающее наиболее существенные, закономерные связи реальной действительности и познания… Категории воспроизводят свойства бытия и познания во всеобщем и наиболее концентрированном виде… Категории изменяются (содержание, состав, связи)» (Сарыбеков, Сыдыкназаров 2008: 126). Соответственно, можно сделать промежуточный вывод, что понятия априори обладают более богатым содержанием, в то время как категории – более широким объемом (закон обратного отношения между содержанием и объемом понятия), потому понятия могут являться начальной стадией формирования категорий.

Поскольку между понятиями и категориями существует известная взаимосвязь, то последние аналогичным образом могут быть классифицированы на доктринальные и законодательные категории. Исследования показывают, что категории первого типа встречаются гораздо чаще, что обусловлено спецификой научного познания: развитие науки приводит к дублированию категорий, когда ученые в погоне за созданием собственной теории уходят в смысловые оттенки одного и того же понятия, что в свою очередь сопряжено с обесцениванием новых и старых категорий. Напротив, в праве и юридической практике таких случаев гораздо меньше [Баринов 2019: 14].

В качестве примера тщательного отбора легальных понятий и категорий целесообразно обратиться к материалам законодательного процесса: так, в одном случае профильный комитет Государственной Думы РФ поставил на вид авторам законопроекта введение в российскую правовую систему нового термина (фирменное обозначение), хотя в части четвертой ГК РФ (ст. 1473) давно используется термин «фирменное наименование» (Заключение 2025: URL); в другом случае Правовое управление предложило разработчикам законопроекта уточнить наименование нормативного правового акта (Семейный *Кодекс* Российской Федерации (курсив – Ю. Б.)) и согласовать понятие «транспортное средство» с уже имеющимся в российском законодательстве (Заключение 2024: URL), в итоге внесенные законопроекты (при наличии и других дефектов) были отклонены (отозваны).

Основополагающим для предмета МЧП как отрасли и как науки выступает иностранный элемент – термин предложен М. И. Бруном, но в содержательном плане он так и остался не раскрытым законодателем, вследствие чего по поводу его дефиниции и статуса по сегодняшний день не сложилось единого подхода. Как отмечается в учебнике по МЧП под редакцией Г. К. Дмитриевой, «иностранный элемент – это не только фактическое обстоятельство, но и юридическое *понятие*, формирующее состав правоотношения» (курсив – Ю. Б.) [Международное частное право 2004: 14]. Аналогичным образом (как понятие) рассматривают иностранный элемент В. Г. Захарова, Е. М. Коржова [Захарова 2019: 222; Коржова 2023: 183].

Другим подходом устанавливается категориальный статус иностранного элемента: по словам В. А. Канашевского, «с принятием Кодекса торгового мореплавания, а также части третьей Гражданского кодекса *категория* «иностранный элемент» превратилась из теоретической в правовую» (курсив – Ю. Б.) [Канашевский 2024: 18].

Категориальный подход к иностранному элементу в МЧП вызывает бóльшее доверие, тем более что рассматриваемая категория в той или иной мере выполняет весь перечень функций, выделяемых современной теорией права, как то: регулятивную; инструментально-техническую; интеграционную; концептуально-идеологическую; стратегического планирования дальнейшего развития законодательства; политическую; информационно-управленческую; восполнения и преодоления пробелов в законодательстве, а также его конкретизации; стабилизации и унификации системы нормативно-правовых актов [Баринов 2019: 14].

В частности, во времена М. И. Бруна или даже Л. А. Лунца описание предмета МЧП шло достаточно грузно, через приведение большого количества ситуаций, скорее, индуктивным методом; с приходом в законодательство категории «иностранный элемент» субъект-объект-юридический факт, понимаемые широко, в концентрированном виде позволяют обозреть предмет науки (инструментально-техническая функция). Концептуально-идеологическая

функция категории «иностранный элемент» прослеживается на историческом примере из римского права: так, И. А. Покровский констатирует, что в Италии после 212 года были уничтожены перегрины и латины (как класс), но иностранцы (перегрины) остались как юридическая категория (для обозначения лиц с ограниченной правосубъектностью) [Покровский 1998: 295].

Вместе с тем в современных исследованиях по МЧП, а также в классических учебниках часто можно обнаружить неопределенность или двойственность относительно статуса иностранного элемента: одни и те же авторы по ходу работы называют его то понятием, то категорией, исходя, очевидно, из синонимии понятия и категории, что лишь отчасти верно (меньшее входит в большее). Например, И. Б. Иловайский в своей статье определяет иностранный элемент и как категорию, и как понятие без объяснения причин и размежевания ситуаций [Иловайский 2019: 100, 101, 103].

Более дифференцированно подходит к определению статуса иностранного элемента в предмете МЧП авторский коллектив МГИМО, когда в учебнике утверждает: «Коллизионное законодательство приводится в действие ввиду наличия так называемого иностранного элемента в отношениях. Эта правовая категория, не слишком подробно изложенная как понятие в отечественной литературе, играет роль «пускового механизма» в коллизионном регулировании» *(курсив – Ю. Б.)* [Международное частное право 2011: 217].

Однако использование авторами термина «понятие», по всей видимости, в данном случае нельзя подвести под неопределенность или двойственность. Представляется, что здесь авторы демонстрируют, скорее, динамику статуса иностранного элемента: «Ранее иностранный элемент рассматривался вообще как нечто конкретное в составе отношений. Говорилось, что он может существовать в трех видах: имущество вне территории суда, иностранное лицо или юридический факт, происходящий за границей. Считалось, что во всех других случаях коллизионный вопрос вообще не возникает и суд обязан руководствоваться только своим правом. … В дальнейшем все чаще признавалось, что сводить иностранный элемент к названным крайностям или разновидностям иностранного присутствия неразумно, несправедливо и негибко» [Международное частное право 2011: 217]. И встречаются тезисы о необходимости широкого понимания иностранного элемента [Международное частное право 2011: 218].

Надо полагать, что широкое понимание иностранного элемента, точнее говоря, призывы к таковому, обусловлены развитием общественных отношений и, как следствие, науки, ибо «появление новой теории изменяет взгляд как на наблюдаемые, так на ненаблюдаемые свойства мира и вносит соответствующие изменения значения даже наиболее «фундаментальных» терминов используемого языка» [Фейерабенд 1986: 30]. С другой стороны, применительно к расширению понимания иностранного элемента вспоминается мнение Э. Радлова: «Началом процесса образования категории является самое отвлеченное, бедное по содержанию понятие бытия, из которого получаются сначала категория качества, потом количества и т. п.» (Радлов 1895: 723). Таким образом, можно констатировать, что иностранный элемент из понятия МЧП перерос сегодня в категорию, чему в немалой степени способствовало и его легальное закрепление (хотя и без дефиниции) в действующем национальном законодательстве.

Еще в 2016 году О. Н. Толочко критически оценила появление в современном российском и белорусском коллизионном законодательстве категории личного закона (физического и юридического лица) («пятое колесо в системе коллизионного регулирования»?), мотивируя свою позицию тем, что законодательное регулирование правового положения лица в МЧП «довольно запутанно и в ряде случаев противоречиво. Обилие правовых категорий, содержание которых с точностью не определено и которые используются для обозначения неких оттенков юридической действительности, часто свидетельствует о технических недостатках законодательного регулирования. В этом смысле институт лица в МЧП представляется довольно непрозрачным» [Толочко 2016: 105–106]. Обилие же, по мнению ученого, проявляется в хождении в науке ряда доктринальных конструкций: личный статус, личный статут, личный закон, территориальный закон (закон местопребывания), закон гражданства, закон места жительства (домицилия), национальность (государственная принадлежность), национальный режим, правосубъектность, правоспособность, дееспособность, деликтоспособность и др.

В отечественном МЧП равным образом не утихают споры о соотношении личного закона, национальности и государственной принадлежности юридического лица. Большинство авторов склонны дифференцировать эти категории, отмечая их разную отраслевую принадлежность и разные функции внутри соответствующей отрасли. В то же время ученые соглашаются с тем, что «критерии, которые изначально были разработаны для определения национальности юридического лица, впоследствии легли в основу коллизионных принципов для определения личного закона юридического лица» [Юсифова 2018: 26, 29]. Последнее, среди прочего, также приводит к отождествлению и смешению категорий.

Несомненно, критика личного закона в некотором смысле справедлива, поскольку коллизионное регулирование ряда иностранных государств обходится без этой категории: например, законы Черногории, Албании, Чехии не содержат термина «личный закон юридического лица», а используют «применимое право» [Юсифова 2018: 90]. По такому же пути идет международное законодательство с участием РФ, когда обслуживается понятием «личный статус», распространяемым на дееспособность физических и правоспособность юридических лиц (например, Минская конвенция 1993 г., Кишиневская конвенция 2002 г. и др.).

Напротив, А. Я. Аухатов считает введение личного закона юридического лица в российское МЧП чрезвычайно важным и прогрессивным, поскольку термин «более точен и соответствует требованиям современного оборота» [Аухатов 2009: 100].

Л. П. Ануфриева фокусирует внимание на том, что «определение правоспособности посредством привязки отношения к личному закону физического лица отражает основную тенденцию мировой доктрины и нормативной практики МЧП, учитывающей непосредственную связь между правоспособностью и личностью индивидуума», поскольку ранее личный закон применялся только к дееспособности физического лица [Международное частное право 2004: 196–197].

При этом может сложиться впечатление, подкрепляемое оглавлением классических учебников по МЧП, что в отношении личного закона физического лица как будто достигнут консенсус среди юристов: термин «личный закон» вынесен в названия параграфов только в отношении юридических лиц [Международное частное право 2004: 685; Международное частное право 2015: 5]. На самом деле, как ранее отметила О. Н. Толочко, здесь также есть определенное дублирование и параллелизм. Тем не менее, нельзя игнорировать обстоятельство, что категория личного закона (физического и юридического лица) появилась в российском законодательстве о МЧП в целях дифференциации отношений (для юридических лиц) и унификации (объединения) (для физических лиц).

В отличие от предыдущих категорий правосубъектность имеет сугубо доктринальную природу, по крайней мере, в российском правопорядке. Однако, как писал еще Я. Р. Веберс, «отсутствие какого-либо понятия в законодательстве еще не позволяет сделать категорический вывод о неправомерности его создания и использования в правовой науке. Отрицательное отношение к категории правосубъектности вообще или к использованию ее в отдельных отраслях права, как правило, основано на весьма спорном тезисе, что правосубъектность является лишь условно принятым обозначением какой-то другой категории» [Веберс 1976: 18].

Очень восторженно высказывается о значении названной категории (хотя и называет ее понятием) и некоторых других Е. Г. Комиссарова, когда пишет: «Историческая независимость цивилистики этого (советского – прим. Ю. Б.) периода от законодательного и судебного материала позволила сделать ей многие научно-теоретические открытия, выразив их итоги в таких фундаментальных научных понятиях, как гражданская правосубъектность, гражданское правоотношение, юридический факт, право собственности, обязательства, обеспечив тем самым необходимым инструментарием в первую очередь саму науку, в том числе и на будущее время. Сегодня с неизменным участием этих научных понятий познаются, связываются, объясняются, понимаются все другие научные и законодательные понятия. С помощью этих понятий связывается практически все гражданское право, его институты, конструкции и более частные понятия» [Комиссарова 2019: 206–207]. И надо заметить, что ключевой, методологической категорией науки гражданского права, характеризующей правовое положение субъекта гражданских правоотношений и определяющей социально-правовую возможность субъекта быть участником этих отношений, видят правосубъектность многие ученые-юристы [Барков 2008: 3; Габов 2018: 105].

При внимательном погружении в предмет настоящего исследования закрадывается сомнение по поводу правомерности, уместности, оправданности экстраполяции категории правосубъектности на науку МЧП. Говоря о науке гражданского права, следует констатировать, что на сегодняшний день категория уже более или менее устоялась и признана (хотя и с оговорками), но как насчет МЧП? Полагаем, что положительный ответ здесь весьма уместен по нескольким причинам.

Во-первых, если обратиться к воспоминаниям одного из создателей современного ГК РФ А. Л. Маковского, то, опираясь на советские традиции кодификации, разработчики решили отказаться от создания комплексного нормативного акта МЧП в пользу отраслевого регулирования, и, что еще более важно, «отношения, осложненные иностранным элементом, рассматриваются как особый предмет регулирования и в то же время нормы, регулирующие такие отношения, выносятся в качестве общих «за скобки» других специальных норм» [Маковский 2008: 59]. Сказанное в очередной раз подтверждает, с одной стороны, самостоятельность МЧП, а с другой стороны, тесную «генетическую» связь соответствующих отраслей и наук.

Во-вторых, у категории правосубъектности есть положительный опыт применения в других отраслевых науках (международное, семейное, трудовое, конституционное право и др.), т. е. традиции применения как категории в науке российского права, что визуализирует ее универсальный характер.

В-третьих, эффективность применения категории правосубъектности в научном дискурсе МЧП видится в нейтрализации критики, которую вызвало введение в юридический обиход категории личного закона, поскольку именно правосубъектность как правовая категория обладает прозрачностью, значительным собирательным, объединяющим и обобщающим началом как в рамках российского правопорядка, так и многих зарубежных (интеграционная функция категории). О потенциальной взаимозаменимости свидетельствует факт использования терминов «личный закон» и «правосубъектность» в общем контексте.

В-четвертых, следует отметить, что правосубъектность в МЧП обладает большим потенциалом стратегического планирования дальнейшего развития законодательства, что чрезвычайно значимо для развивающейся отрасли российского права. Соответственно, вышеназванные причины заставляют серьезно задуматься о дальнейшем освоении категории правосубъектности на ниве МЧП.

Резюмируя сказанное, необходимо акцентировать следующее. Понятия априори обладают более богатым содержанием, в то время как категории – более широким объемом, потому понятия могут являться начальной стадией формирования категорий. Так случилось с иностранным элементом, когда он из понятия МЧП перерос в категорию, чему в немалой степени способствовало его легальное закрепление в современном национальном законодательстве. Категория личного закона (физического и юридического лица) появилась в российском законодательстве о МЧП в целях дифференциации отношений (для юридических лиц) и унификации (объединения) (для физических лиц). Что касается правосубъектности, то категория не чужда МЧП, соответственно, имеет смысл

серьезно задуматься о дальнейшем освоении категории правосубъектности на ниве МЧП.

Список источников

Заключение Комитета Государственной Думы по промышленности и торговле от 12.11.2025 г. по проекту федерального закона № 879812-8. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/879812-8.
Заключение Правового управления от 18.04.2024 г. по проекту федерального закона № 557616-8. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/557616-8.
Радлов Э. Категория / Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. Т. XIVA. – СПб., 1895. – С. 722–723.
Радлов Э. Понятие / Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. Т. XXIVA. – СПб., 1898. – С. 542–543.
Сарыбеков М. Н., Сыдыкназаров М. К. Словарь науки. Общенаучные термины и определения, науковедческие понятия и категории: учеб. пособ. Алматы, 2008.
Словарь философских терминов / научная редакция проф. В. Г. Кузнецова. М., 2005.

Литература

Аухатов А. Я. Российское законодательство в области коллизионно-правового регулирования юридических лиц / Журнал российского права. – 2009. – № 7 (151). – С. 100–111.

Баринов П. С. Обесценивание правовых категорий: дисс. канд. юрид. наук. Саратов, 2019.
Барков А. В. Гражданская правосубъектность как научно-правовая категория: соотношение со смежными юридическими понятиями / Современное право. – 2008. – № 12. – С. 3–7.
Веберс Я. Р. Правосубъектность граждан в советском гражданском и семейном праве. Рига, 1976.
Габов А. В. Правосубъектность: традиционная категория права в современную эпоху / Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018. – № 2 (121). – С. 105–122.
Захарова В. Г. Понятие иностранного элемента в Российской Федерации и Республике Казахстан / Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 4-3. – С. 222–226.
Иловайский И. Б. О дефиниции «иностранный элемент» в международном частном праве и простоте понимания права / Legal Concept. – 2019. – Т. 18. – № 2. – С. 99–106.
Канашевский В. А. Международное частное право: учебник. М., 2024.
Комиссарова Е. Г. Методологические аспекты научно-понятийного аппарата в цивилистике / Методологические проблемы цивилистических исследований. – 2019. – № 1. – С. 197–216.
Коржова Е. М. К вопросу об иностранном элементе в предмете правового регулирования международного частного права / Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2023. – Т. 1. – № 2. – С. 182–194.
Маковский А. Л. Кодификация гражданского права и развитие отечественного международного частного права / Кодификация российского частного права / под ред. Д. А. Медведева. – М., 2008. – С. 56–71.
Международное частное право: учебник. В 2 т. Т. 2: Особенная часть / отв. ред. С. Н. Лебедев, Е. В. Кабатова. М., 2015.
Международное частное право: учебник. В 2 т. Т. 1: Общая часть / отв. ред. С. Н. Лебедев, Е. В. Кабатова. М., 2011.
Международное частное право: учебник / отв. ред. Г. К. Дмитриева. М., 2004.
Покровский И. А. История римского права / вступит. статья, переводы с лат., науч. ред. и коммент. А. Д. Рудокваса. СПб., 1998.
Толочко О. Н. «Личный закон» в международном частном праве: основополагающая категория или пятое колесо в системе коллизионного регулирования? / Вестник Гродненского государственного университета им. Я. Купалы. – 2016. – Сер. 4. – Т. 6. Правоведение. – № 3. – С. 105–111.
Фейерабенд П. Объяснение, редукция и эмпиризм / Избранные труды по методологии науки / общ. ред. и вступ. ст. И. С. Нарский. – М., 1986. – С. 29–108.
Юсифова Р.Т. Личный закон и национальность юридического лица: понятие и соотношение в современном международном частном праве: дисс. … канд. наук. М., 2018.

References

Aukhatov, A. Ya. (2009). Russian legislation in the field of conflict of laws regulation of legal entities. Journal of Russian Law, 7 (151), 100-111 (in Russian).
Barinov, P. S. (2019). Devaluation of legal categories: a dis. … cand. … jurid. sciences. Saratov (in Russian).
Barkov, A. V. (2008). Civil legal personality as a scientific and legal category: relationship with related legal concepts. Modern Law, 12, 3-7 (in Russian).
Dmitrieva, G. K. (ed.). (2004). Private international law: a textbook. Moscow (in Russian).
Feyerabend, P. (1986). Explanation, reduction, and empiricism. In: Selected works on the methodology of science. Moscow, 29-108 (in Russian).

Gabov, A. V. (2018). Legal personality: a traditional category of law in the modern era. Bulletin of the Saratov State Law Academy, 2 (121), 105-122 (in Russian).
Ilovaisky, I. B. (2019). On the definition of “foreign element” in private international law and the simplicity of understanding the law. Legal concept, 18 (2), 99-106 (in Russian).
Kanashevsky, V. A. (2024). Private international law: a textbook. Moscow (in Russian).
Komissarova, E. G. (2019). Methodological aspects of the scientific-conceptual apparatus in civilistics. Methodological problems of civilistic research, 1, 197-216 (in Russian).
Korzhova, E. M. (2023). On the foreign element in the subject of legal regulation of private international law. Bulletin of V. N. Tatishchev Volzhsky University, 1 (2), 182-194 (in Russian).
Lebedev, S. N., Kabatova, E. V. (eds.). (2015). Private international law: a textbook. In 2 Vol. Vol. 2: Special part. Moscow (in Russian).
Lebedev, S. N., Kabatova, E. V. (eds.). (2011). Private international law: a textbook. In 2 Vol. Vol. 1: General part. Moscow (in Russian).
Makovsky, A. L. (2008). Codification of civil law and the development of domestic international private law. In: Medvedev, D. A. (ed.). Codification of Russian private law (pp. 56-71). Moscow (in Russian).
Pokrovsky, I. A. (1998). History of Roman law. St. Petersburg (in Russian).
Tolochko, O. N. (2016). “Personal law” in private international law: a fundamental category or a fifth wheel in the system of conflict of laws regulation? Bulletin of Y. Kupala State University of Grodno, 6 (3), 105-111 (in Russian).
Webers, J. R. (1976). Legal personality of citizens in Soviet civil and family law. Riga (in Russian).
Yusifova, R. T. (2018). Personal law and nationality of a legal entity: concept and relationship in the contemporary private international law: a dis. ... cand. ... jurid. sciences. Moscow (in Russian).
Zakharova, V. G. (2019). The concept of a foreign element in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. International journal of humanitarian and natural sciences, 4-3, 222-226 (in Russian).

Citation:
Блинова Ю. В. Понятия и категории в международном частном праве // Юрислингвистика. – 2026 – 41. – С. 11-16.
Blinova Yu. V. (2026) Concepts and Categories in Private International Law. Legal Linguistics, 41, 11-16.
(cc) BY This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License